

Литература

1. Schell Deutschland Holding (Hrsg) **Jugend 2006. Eine pragmatische Generation** unter Druck, Vischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main 2006
2. www.spbumag.nw.ru/2002/20/5
3. www.nikkolom.ru/2005
4. www.evcpk.ru Современные культурологические подходы к обучению на иностранном языке. Кабекова Ф.С.

КОГНИТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ И ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ¹

И.Ф. Алефиренко
(Белгород)

В разрабатываемой когнитивно-семнологической теории лингвокультурологии (см. Алефиренко И.Ф., 2006: 36) соотношение названных категорий проблемно по нескольким причинам: а) отсутствует единообразие в понимании понятия «когнитивная структура»; б) все еще далека от завершения и дискуссия о сущности сознания, в том числе этнокультурного и этноязыкового.

Когнитивные структуры. Когнитивная структура – это схема кодирования, хранения и репрезентации информации в соответствующей содержательной форме. Наиболее распространена типология когнитивных структур разработана А.П. Бабушкиным и З.Д. Поповой, которые, выделив одну базовую когнитивную структуру – концепт, выделяют в ее рамках следующие типы когнитивных структур: концепт, представление, схему, понятие, фрейм, сценарий, гештальт (см. [2], [9]). Другие исследователи концепты, фреймы, гештальты и образы выделяют как относительно самостоятельные образования. А. Ченки, например, использует понятие образной схемы (образ-схемы), отождествляя их с гештальт-структурами. Для понимания принципиальных отличий этих когнитивных структур от традиционно выделяемого понятия целесообразно использовать учение Ф.Е. Василюка об их чувственном субстрате. Дело в том, что когнитивные структуры, в отличие от понятия, содержат, в качестве обязательного компонента, образую составляющую, которая, как известно, восходит к чувственному познанию мира. Теперь можно считать доказанным, что чувственная ткань образа – субстанция многомерная. Чтобы понять и описать её, создается *модель образа сознания*, согласно которой (1) внешний мир являет предметное содержание, (2) внутренний мир – личностный смысл, (3) культура – значение, (4) а язык – слово. Вместе все эти

¹ Работа выполнена в рамках научного проекта по Тематическому плану Минобрнауки России (2007 г.).

составляющие служат той когнитивно-дискурсивной средой, в которой зарождается и актуализируется коммуникативно-прагматическими интенциями живой образ. При этом образ сознания, как уже упоминалось, многомерен. Существует пять измерений, четыре из которых – *значение, предмет, личностный смысл, знак* – образуют контурный остов (топики) образа. В процессе осуществления определенного речемыслительного акта доминантным становится один из названных топиков, который, собственно, и определяет вектор внутренней динамики образа. Иными словами, реализация идеального образа в конкретном речевом акте может направляться по преимуществу к одному из этих полюсов. Возникающее при этом доминирование одного из динамических измерений создает соответствующий тип когнитивной структуры. Пятое измерение – это *чувственная ткань*, особая внутренняя «составляющая» образа как представителя человеческой ипостаси в образе сознания.

Такой подход позволяет по-иному интерпретировать образный компонент когнитивной структуры, когда образ становится уже не явлением извне, а «... предстает перед нами не как внешняя по отношению ко всем этим мирам сущность, ... а как часть каждого из них, как их интеграл, как их «голограмма», фокусирующая волны и энергии всех этих миров в едином пространстве языкового сознания.

Языковое сознание. Сознание – одно из центральных понятий философии, психологии и психосемантики. В наше время это один из проблемных вопросов когнитивной лингвистики. Его проблемность обуславливается отсутствием методики адекватного исследования столь загадочного феномена: с одной стороны, есть понимание того, что этноязыковое сознание – основной механизм «управления» речемыслительными процессами говорящих на том или ином языке, а с другой – его недоступность непосредственному наблюдению, вследствие чего о его специфике приходится судить по косвенным данным. Сложность его изучения послужила поводом Т. Гексли выразить в конце XIX в. мнение о том, что природа сознания в принципе не постижима. Многие психологи в XIX – XX вв. (В. Вундт и др.) считали, что научному осмыслению поддаются только отдельные явления сознания. Что же касается его сущности, то она не может быть выражена, хотя сознание субъективно дано в переживаниях. В XX веке усилиями главным образом отечественных ученых было создано несколько основных концепций сознания.

1. Концепция отождествления сознания со *знанием*, наиболее выпукло проявившаяся в картезианской традиции: все, что мы знаем, – это сознание, и все что мы осознаем, – знание. Однако современная наука о человеке столкнулась с фактами неосознаваемого, *неявного знания*. Это не только то, что я знаю, но о чем в данный момент не думаю, а значит и не сознаю, но что легко могу сделать достоянием моего сознания. Например, мое знание

фактов автобиографии и т.д. Это также и такое знание, которым я располагаю и которым пользуюсь, но которое с большим трудом может быть осознано, если вообще может стать таковым (Бог, истина, любовь и т.п.).

2. Некоторые ученые в качестве главного признака сознания выделяют не знание, а *интенциональность* – направленность на определенный предмет, объект. Таким признаком с этой точки зрения обладают все виды сознания: не только *восприятия* и *мысли*, но и *представления*, *эмоции*, *желания*, *намерения*, *волевые импульсы*. Сознание может быть интенционально нацелено на физические предметы (реальные или мнимые), на идеальные предметы (числа, значения и др.) или же на состояния самого сознания. Однако понятие интенциональности не может объяснить многие факты «жизни сознания»: «настроенные» или же то «фоновое знание».

3. Иногда сознание отождествляется с *вниманием*. Эта позиция особенно популярна у некоторых представителей когнитивной психологии, пытающихся истолковать сознание (т.е. *внимание* при данном понимании) как некоторый фильтр на пути информации, перерабатываемой первой системой. Между тем ряд фактов психической жизни не поддается объяснению и с этой точки зрения. Современные американские психологи Дж. Лэкнер и М. Гэррет показали, что информация, воспринимаемая субъектом без внимания, тем не менее, в какой-то мере осознается им и влияет на понимание.

4. Одна из наиболее влиятельных концепций сознания связана с истолкованием его как *самосознания*, *саморефлексии*, *самоотчета «Я»* в собственных действиях. Сознание при таком понимании выступает как специфическая реальность, как особый «внутренний мир», данный субъекту совершенно непосредственно и познаваемый с полной несомненностью путем интроспекции. Так, согласно Декарту, самосознание – единственно достоверное, несомненное знание, которое поэтому является основанием всей системы знания. Такой подход также порождает ряд трудностей. Кто является воспринимающим *субъектом* в случае интроспекции? Где он «находится»? Насколько безошибочно самосознание, если само познание предполагает возможность заблуждения?

В понимании Дж. Серля, сознанию присущи следующие свойства: (1) единство; (2) интенциональность; (3) субъективность; (4) структурированность; (5) различение «центра» и «периферии»; (6) настроенные; (7) темпоральность; (8) социальность. Наличие интенциональности и субъективной социальности, а также разное соотношение элементов «центра» и «периферии» позволяет говорить о языковом и этнокультурном сознании.

Под языковым сознанием мы понимаем совокупность значений языковых категорий, отражающих типовые коммуникативно-прагматические ситуации речевого общения, и знание алгоритма использования механизма взаимодействия языковых подсистем, необходимых для реализации

коммуникативной интенции в данном речемыслеительном акте. Такие языковые знания существуют обычно на уровне подсознания для говорящих на родном языке и с разной долей осознанного построения речевого акта для говорящих на неродных языках. В этом отношении языковое сознание напрямую связано с этнокультурой, поскольку, именно языковое сознание народа является непосредственным объектом усвоения детьми этнокультурных ценностей при овладении речью, в том числе и родной. Этнокультурное сознание – это результат отражения и восприятия образа мира (А.Г. Гурочкина) в соответствии с особой сеткой ценностно-смысловых координат, представляющих собой содержательные контуры той или иной национальной культуры. По своей природе этнокультурное сознание сопряжено с языковым сознанием, поскольку специфику каждой этнокультуры определяет структурированная совокупность основных духовных ценностей, традиций и обычаев, закодированных в устно-поэтических и письменных произведениях. Прежде всего, этнокультурной значимостью отмечены идиомы, поговорки, языковые метафоры и устойчивые стилистические фигуры. Ср.: 1) *Ты представляешь, какое у меня было состояние. Хоть в петлю. Спасибо добрые люди ответи кодной яснovidящей. Грибова – отличный специалист, не чета всем другим* (Моя семья, № 19, 2007, с. 22); 2) *... при доработке (в Госдуме) кодекса санкции могут быть смягчены или вовсе убраны. Своя рука владыка...* (АиФ, № 8, 2007, с. 11). Подобного рода языковые структуры представляют в русском языковом сознании в образной форме наиболее важные для данной этнокультуры объекты – предметы, события, факты. Представления о культурно значимых предметах, событиях, фактах, зафиксированных в концептах, связано с понятием прототипа или, точнее, с прототипическими признаками тех или иных классов предметов. Прототипические признаки – это те свойства, которыми характеризуются предметы соответствующего класса. Причем набор таких признаков и их иерархия в каждом национальном языке «свой». Иными словами, одни и те же объекты воспринимаются и кодируются этноязыковыми сознаниями в соответствии с выработанными в данном этнокультурном сообществе представлениями о данном классе предметов. И это при том, что логически механизмы их концептуализации остаются универсальными. Одинаковые концепты в разных языках могут иметь различные вербальные репрезентации. Ср. сходные идиомы в русском и словацком языках, репрезентирующие концепт «нищета»: в значении ‘жить очень бедно, терпеть нужду, лишения’ – перебиваться *из кулька в рогожку (прост.)* (син.: *перебиваться с хлеба на квас*) // *žiť z ruku do úst (zo dňa na deň)*. Видоизменяя слова-сопроводители (видоизменяя контекст употребления) идиома модифицирует и свое значение. Оно становится более обобщенным. Так, в сочетании с глаголами *попадать, переваливаться* данная идиома приобретает значение ‘ничуть, несколько’ – из

кулька в рогожку (попасть) // (dostat' sa) z blata do kaluže. Например: 1) *Посадят тебя в Самаре на голодную карточку, и попадешь ты, мамаша, из кулька в рогожку* (Малышкин. Люди из захолустья); 2) *Живу по-разному. Осенью на купца похож, хлеб продаю, на базар езжу. За зиму приторговываюсь. К весне переваливаюсь из кулька в рогожку.* (Неверов. Кой о чём).

Правомерность выделения в структуре сознания субкатегории языкового сознания объясняется наличием у него «своего» объекта. Дело в том, что объектом сознания может выступать не только действительность, но и язык. В сознании отражается звуковая сторона языка, категории языка и языковые значения. Кроме того, сознание выполняет и посредническую функцию, соотнося языковую действительность с реальной действительностью. В этом смысле сознание занимает промежуточную позицию между языком и действительностью.

Только промежуточной функцией сознания можно объяснить гипотезу о довербальной стадии мышления, согласно которой действительность сначала отражается в сознании в виде мыслительных образов или понятий и только потом находит свое выражение в языке (П.В. Чесноков, Ю.С. Степанов, Б.А. Серебренников). В соответствии с данной гипотезой, если бы мышление в своём движении не опережало язык, а осуществлялось бы параллельно языковому оформлению, то говорящий не осознавал бы то, что он хочет сказать, и о чём говорит. Такое положение не характерно для осмысленного акта коммуникации.

Итак, в соответствии с функциональными особенностями сознания целесообразно различать: (а) когнитивные структуры концептуального сознания, отражающие воспринимаемую объективную действительность, (б) языковое сознание, отражающее структуру и содержание языка.

Литература

1. Алефиренко, П.Ф. Когнитивно-семиологические аспекты лингвокультурологии / П.Ф. Алефиренко // Вопросы когнитивной лингвистики / Ин-т языкознания РАН; Тамб. гос. ун-т. – 2006 – № 1. – С. 36-44.
2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж, 1996. – 104 с.
3. Василюк, Ф.Е. Психология переживания. / В.Г. Василюк. – М., 1984.
4. Выготский, Л.С. Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. / Л.С. Выготский. – М., 1982. Т. 2.
5. Горошко Е.И. Языковое сознание: Гендерная парадигма / Е.И. Горошко. – Москва-Харьков: ИД «ИИЖ»К», 2003. – 440 с.
6. Гурочкина А.Г. Этнокультура и языковое сознание / А.Г. Гурочкина // Филология и культура: Материалы III Междунар. науч. конф. Ч. 3. – Тамбов, 2001. – С. 122-123.
7. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. – М.: ИТД К «А позис», 2001. – 270 с.

8. Леонтьев, А.А. Формы существования значения / А.А. Леонтьев // Психолингвистические проблемы семантики. – М., 1983.

9. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике.– Воронеж, 2001. – 191 с.

10. Серл, Дж. Открывая сознание заново / Дж. Серл. – М.: Едиториал УРСС, 2002.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЭНТРОПИЯ И ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК

А.М. Амапов
(Белгород)

Энтропия – одно из ключевых понятий термодинамики, статистической механики и теории информации, описывающее состояние той или иной системы. Естественный язык, разумеется, не является ни механической, ни термодинамической системой, однако он, безусловно, представляет собой древнейшую из известных нам информационных систем, поэтому распространение на него понятия «информационная энтропия» вполне правомерно.

Вообще-то понятия информации и энтропии тесно и органично связаны друг с другом, однако представления об информационной энтропии появились лишь тогда, когда развитие термодинамики и статистической механики сделали эту связь очевидной. У истоков этого понятия стоит логик и математик К. Шеннон, в честь которого информационную энтропию часто называют «энтропией Шеннона». И прежде чем перейти к понятию «энтропия языка», попробуем разобраться в том, что представляет собою информационная энтропия.

Пользуясь интуитивно понятными выражениями, можно сказать, что информационная энтропия – это степень неопределённости сигнала или, применительно к речи, высказывания (англ. *uncertainty* – термин К. Шеннона). В качестве примера возьмём ящик с одинаковыми по размеру и массе шариками, на которых проставлены разные номера. Аналогичный (и весьма расхожий) пример с шариками разного цвета при ближайшем рассмотрении выглядит не совсем удачным, т.к. при достаточно большом их количестве непросто бывает это образно себе представить – в самом деле, вряд ли кто-то может вообразить себе 1000 разных цветов и оттенков. Итак, будем считать, что в ящике лежат 1000 шариков с номерами от 1 до 1000, а некто случайным образом извлекает их из ящика один за другим. При первой попытке неопределённость номера извлечённого шарика максимальна, т.е. вероятность извлечения любого из шариков одинакова и равна 1/1000. Допустим, при первой попытке был вынут шарик под номером 345. Это значит, что он выпал из системы, и в следующей попытке